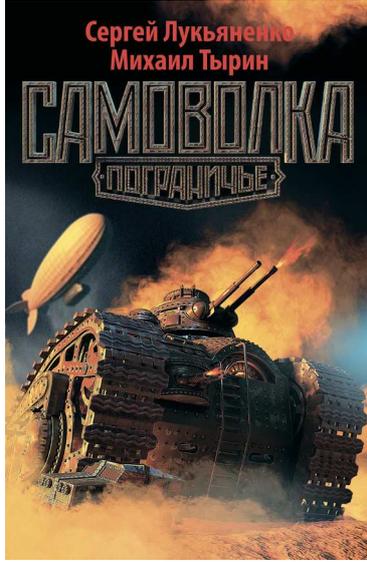

Сергей Лукьяненко
Михаил Тырин

САМОВОЛКА

«ПОГРАНИЧЬЕ»

Михаил Юрьевич Тырин
Сергей Васильевич Лукьяненко
Самоволка
Серия «Пограничье», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8369155

*Самоволка : [фантастический роман] / Сергей Лукьяненко, Михаил Тырин: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084969-7*

Аннотация

Идеальных планов не бывает, – в этом пришлось убедиться обычному московскому бизнесмену Степану Зайцеву.

Согласившись подменить рванувшего в самоволку брата-близнеца – сотрудника оперативного бюро пограничного дивизиона в загадочном Центруме, – он оказался вдруг в самом сердце чужого, враждебного, смертельно опасного мира. Мира, где спокойному и совсем не воинственному «деловому человеку» предстоит научиться притворяться и лгать, терпеть голод и боль, сражаться и убивать...

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Новичок	11
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Лукьяненко, Михаил Тырин

Самоволка

© С.В. Лукьяненко, 2013

© М.Ю. Тырин, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

I submit to you that if a man hasn't discovered something he will die for, he isn't fit to live.

Martin Luther King Jr.

Speech in Detroit, June 23, 1963

Я хочу сказать вам, если человек не обнаружил ничего, за что он готов умереть, ему незачем жить.

Мартин Лютер Кинг-мл.

Выступление в Детройте, 23 июня 1963 г.

Пролог

– Степка, Борька! – крикнула баба Катя, выглядывая с веранды. – А ну хватит по сараям шлындать, похлебка стынет!

К внукам баба Катя обращалась с той же интонацией, что и к своим пороссятам. Да и пороссята у нее были сплошь Петьки, Васьки и Федьки. Наверняка и Борьки со Степками когда-то водились.

Степа и Борис, десятилетние братья-двойняшки, вынырнули почти одновременно с разных концов двора. Прибежали на веранду и уселись за стол, не переставая болтать ногами. Словно и не думали останавливать бег.

– Ну? – прошептал Борис, когда баба Катя ушла на двор. – Достал?

Глаза его горели яркими угольками.

– Фонарь достал, – спокойно и деловито ответил Степан. – Под сарай положил, к веревке. А крючка нету пока.

– Может, на месте найдем какой-нибудь прут, согнем?

– А если не найдем? – рассудительно ответил Степа. – Обрато возвращаться? Там только мусор один и ветки. Откуда там прутам взяться?

– Не знаю... – вздохнул Борис. – Тогда по дороге будем искать. Во! На ремдвор заедем, там точно найдем.

– Это можно, – солидно согласился Степа. – Еще аптечку для велика надо прихватить, у деда снять.

– Да зачем?! Ехать-то всего пять километров.

– Вот пробьешь баллон посередеь дороги – будет тебе «зачем»...

Борис бросил ложку и уставился куда-то в неведомую даль, возбужденно выбивая дробь пальцами на темной, сплошь изрезанной поверхности стола.

Мысленно он был уже там, на месте. Велоаптечки и прочие предосторожности казались ему досадными препятствиями, не стоящими внимания.

Жаркое солнце перевалило через зенит. Все стало медленным, ленивым, словно завязло в жаре. И воздух, и пыль на дороге, и редкое кудахтанье с соседних дворов, и запах сена... Все словно повисло, остановилось между временем.

* * *

Пять километров по жаре на скрипучих «Школьниках» здорово вымотали обоих. Но Борис усталости не замечал и брата не жалел. Даже на горках старался темпа не сбавлять, выжимая из себя все свои мальчишеские силы.

Сельская дорога пылила, сухо шуршала под колесами, огибала бугры, приспускалась к мостам над узкими тенистыми речушками.

Наконец Борис перестал крутить педали, дождался, пока велосипед сам остановится, и перевел дух. Степа догнал его через полминуты.

– Вон, глянь... – сказал Борис. – Почти приехали.

В низине перед ними блестели три больших квадратных пруда. Пруды были старыми и, кажется, искусственными. Их для чего-то раньше использовали, очень давно. То ли фабрика здесь стояла, то ли рыбу разводили, то ли просто поля поливали.

Теперь здесь ничего не было. Берега обвалились, поросли темным кустарником и деревьями. Квадратными пруды казались только издалека. Вблизи же было видно, что очертания давно потеряли геометрическую точность, а углы скруглились.

Но не за этим ехали сюда братья, не углы мерить.

Оба знали – за самым дальним прудом есть ложбинка, вся заросшая раkitой. И там, за густыми зарослями, прятались развалины из старого камня. Очень странные развалины – не дом, не сарай, не погреб. Что-то среднее. Пожалуй, это и была та самая фабрика.

Осталось от нее немного – две стены, груды валунов и еще какие-то бортики, лесенки, даже колонны.

Среди развалин был вход в подвал. Братья видели его своими глазами и даже прошли по нему несколько метров. Дальше не смогли – он заканчивался ямой или колодцем, глубину которого понять было сложно. Да и не очень-то хотелось проверять, когда за спиной мама с беспокойством зовет обоих братьев, не понимая, куда они исчезли.

Решили отложить исследование на потом. И вроде почти забыли.

Но вдруг слышали от соседа, старенького, вечно выпимши пастуха деда Егора, историю.

Непростая это была шахта. Говорят, в войну в ней немцы прятались. Целый отряд ушел и так и не показался. Наверно, утонули все. Со всеми своими ремнями, погонями и автоматами.

«Я должен это проверить», – заявил в тот раз Борис. И разубедить его не мог никто в мире. Заробевший поначалу Степа позже тоже подхватил эту волнующую идею: подготовиться, вооружиться фонарями, веревками и крючьями – и ощупать дно ямы в поисках старой-старой тайны.

Ну не бездонная же она в самом деле – эта яма?

Сегодня день настал.

– Погнали! – Борис оттолкнулся ногой и устремился на велосипеде к прудам – прямо через колючий скошенный луг.

Вблизи развалин вдруг навалилась тишина. Чуть доносился плеск волн с берега, немного шелестели раkitы. Но все как-то приглушенно, неясно. Словно имелась невидимая, но осязаемая граница у этого маленького тенистого мира с мягкой землей и влажным воздухом.

Вскоре у Степки чуть екнуло сердце: он увидел вход в подземелье, черный и мрачный. И мелькнула мысль – а может, не надо? Глупости ведь это – одним, без взрослых лезть в какую-то яму, в темноту...

Но в следующую секунду он уже смотрел на Бориса – тот был весь в движении и энергии, горел, как пламенный моторчик, разматывал веревку, сгибал из железного прута крючок-щуп, больше похожий на кочергу, проверял батарейки у фонарика...

Его уже не остановишь. Только разочаруешь на всю жизнь и останешься в его глазах нытиком и трусом.

– Ну, пошли! – торжественно проговорил Борька, и глаза его так и горели неумным азартом. – Представляешь, если автомат найдем, а?

Фонарь оказался слишком тусклым, но глаза все же привыкли к сумраку. Пещера изнутри была пустая и странно чистая. Кирпичная кладка на стенах и пружинящий слой прелой листвы под ногами, больше ничего. Ни надписей, ни кострищ, ни битых бутылок.

Борис взял покрепче фонарь, опустился на четвереньки и заглянул в яму. Смотрел долго, дна не увидел, но остался доволен.

– Нормально, – сказал он. – Там стенка кирпичная. Я по этим кирпичам – как по лестнице.

– Веревку привязать некуда, – вздохнул Степан.

– А ничего! Вот, глянь... Наматываешь на руку, пропускаешь через спину... вот так... и на вторую руку наматываешь. Теперь не выпустишь, главное, сам крепко упрись. Да не бойся, я на ней висеть не собираюсь. Так, на всякий случай...

Какое-то время Борис провозился, закрепляя на себе крюк. Он был длинный, в рост самого Бориса, и все время норовил неудобно повернуться.

Наконец кое-как прицепил на ремень. Фонарик же пристегнул к пуговице – на нем имелась для этого петелька. Завязал под мышками веревку.

– Держи крепче! – задорно воскликнул он и, сопя, полез во тьму, оставив брата в темноте.

Степка старался держать веревку чуть натянутой. Так он чувствовал, что Борька внизу шевелится, движется – в порядке он, короче.

– Отпускай! – кричал снизу Борька. – Еще отпускай!

И все равно было не по себе. И с каждой минутой все больше.

По лицу покатился пот, веревка стала больно резать кожу.

Вдруг показалось, что он уже целую вечность стоит во тьме с этой веревкой, слыша далекий голос Бориса: «Отпускай...»

«Да сколько можно лезть! – в отчаянии подумал Степа. – Веревки же не хватит».

– Отпускай еще, – донеслось до него.

– Давай обратно! – не выдержал Степан.

– Отпускай... – ответил приглушенный голос.

Веревка вдруг резко натянулась. Степан машинально напряг левую, страховочную руку... но вдруг понял, что пальцы не ощущают конец веревки! Нет ее, кончилась!

Новый рывок веревки сбил его с ног. Правой руке не хватило сил удержать, веревка вылетела и проворной змеей умчалась в темноту колодца.

Степка упал на колени, с ужасом глядя во мрак.

– Борька! – крикнул он дрожащим голосом. – Вылезай, я веревку уронил!

Он ждал, что брат сейчас засмеется в ответ, скажет какую-нибудь необидную колкость про трусливого Степку...

Но прошла целая вечность, а от Бориса не донеслось ни звука.

– Борька! – отчаянно закричал Степа.

Он кричал и кричал, но ему не отвечало даже эхо. Голос тонул в душном сумраке колодца.

Он уже сам хотел лезть за братом, но внезапно пришел в ужас от того, что они оба окажутся там, на дне. И никто не будет знать, куда они исчезли, где искать.

– Борька, скажи что-нибудь! – в последний раз крикнул он, размазывая слезы.

Высочил наружу из-под сводчатого входа. И сразу ослеп от нестерпимо яркого солнца.

Оно смотрело на него без всякого интереса. Оно ничем не могло помочь, да и не соби-ралось.

Солнце видело много несчастий, трагедий – ему было все равно.

Степка вскочил на велосипед – скорее нужно искать людей. Рванул через луг на дорогу... вернее, хотел рвануть. Колеса вязли в сухой почве, ехать приходилось в горку.

Кое-как вскарабкался на пустынную дорогу. Сразу понял, что торчать на месте и ждать – мало проку. Надо двигаться, тогда больше шанс кого-нибудь встретить.

Стояла тишина. Только треск тракторного дизеля дробил воздух где-то в полях, очень далеко. Жара колыхалась медузой, прижигая кожу своими щупальцами.

Поехал, набирая скорость. Тут же вспомнил – поселок! Или ферма. В общем, какие-то домики были по правую руку от дороги, далеко в стороне. Огибали эти домики долго, значит – быстрее будет напрямик.

И недолго думая соскочил с большака в поле, на крепко утоптанную тракторную колею. По всем расчетам выходило, что вон за тем недалеким пролеском и должны оказаться домики.

Но вот пролесок за спиной, а никаких домиков нет. Только еще одно поле. И за ним – еще один пролесок.

Степка разогнался изо всех сил – уж за тем-то пролеском точно должны быть домики!

На какой-то яме велосипед здорово грохнул – и вдруг педали перестали крутиться, застряли. Степка поднажал, что-то хрустнуло. После этого педали начали проворачиваться свободно, потеряв всякое сцепление с цепью и колесом.

Степан едва не зарыдал в голос. К тому же он понял, что впопыхах схватил Борькин велосипед. А свой – с висящей на раме кобурой с инструментами и аптечкой – так и остался там, под ракетами.

Он побежал. Горло пересохло, пот хлюпал в кедах.

Солнце уже было над кронами деревьев. Ему надоело смотреть на взмокшего испуганного мальчишку, оно уходило.

Степка продолжал бежать, хотя и за вторым перелеском не обнаружилось никаких домиков. И как возвращаться к дороге, он уже не помнил.

Он мечтал только об одном – встретить кого-нибудь, хоть кого-нибудь!

Где-то по-прежнему трещал трактор. Солнце уже скрылось. По траве полз туман, гомонили лягушки в низинах.

Дома с тревогой переглядывались родители. В колодце сидел брат Борька – может, раненый, со сломанной ногой, может, без сознания. Он ждал помощи, он, наверно, кричал, звал кого-нибудь.

Все, что сейчас мог Степка, – это только бежать.

И уже наступили сумерки, а перелески и поля все так же однообразно сменяли друг друга. Ни единого огонька не светило сквозь листву. Степка давно знал, что бесповоротно заблудился, но не мог остановиться. Просто не мог.

И он даже не особенно обрадовался, когда в полной темноте вдруг выскочил на дорогу и увидел знакомый указатель. И побежал по этой дороге, и достиг развилки, от которой до деревни было всего ничего.

Пересек, шатаясь, безлюдную улицу, каким-то чудом не ваясь с ног. Поднялся на крыльцо, споткнувшись о велосипед, толкнул всем телом дверь, ввалился в комнату.

Упал на колени, разразился плачем, от которого тело разрывалось пополам. Сквозь слезы он смутно видел лицо матери.

– Ну, тише, тише, – сказала мама. – Пришел – хорошо. Пойду отца позову, он тебя ищет.

– Мама... мама... – захлебывался Степан. – Борька в яме... в колодце... нужно ехать... я звал, он молчит...

– Успокойся, куда ехать? Зачем ехать?

– Борька в колодец упал... он там лежит...

– Что ты несешь, какой колодец? Борька дома давно, в комнате сидит.

Слезы просохли.

– Дома?!

И тут же понял – он же едва ноги не поломал о второй велосипед на крыльце. Откуда он взялся?

Степка поднялся, хотя ноги едва держали. Прошел в другую комнату, боясь, что его просто утешают для вида.

Борька сидел на кровати, ел булку, запивал молоком. Увидев брата, оставил кружку, посмотрел на него круглыми темными глазами, в которых было нечто такое, что Степан сам испугался.

Эти глаза были страшнее, чем тот колодец.

Надо было что-то сказать, но Степан не мог. Сердце стучало, как паровой молот, пульс колотил в виски, а горло драла наждачка.

Он просто стоял и смотрел.
И Борька тоже смотрел. Тоже молча. И почему-то было ясно – бесполезно спрашивать.
Он ничего не скажет.
И действительно, не сказал ни слова.

* * *

Степан вздрогнул всем телом – и проснулся.
Сердце его колотилось – не во сне, а наяву. Почти так же, как и тогда, без малого четверть века назад.

К чему, интересно, его навестило это далекое детское воспоминание? Да еще так ярко, в подробностях, в чувствах...

За окном колыхался серый рассвет, часы показывали шестой час. Закрывать бы глаза и еще поспать, но Степану было как-то не по себе.

Он поднялся, стараясь не разбудить Люду, вышел на кухню и сделал то, что позволял себе не очень часто, – закурил, приоткрыв форточку и впустив облачко морозного воздуха.

Окна выходили на небольшой городской пруд, ныне покрытый льдом. Днем здесь частенько катались на коньках, летом даже ловили какую-то мелкую рыбешку. На покатоном берегу умещалась крошечная березовая роща.

Степану эта картина всегда напоминала другую – ту, что почти полтысячелетия назад написал художник Питер Брейгель. Называлась она «Охотники на снегу». Там тоже был склон берега, деревья, игры на льду...

Степан впервые увидел ее, когда еще учился в школе. Она сразу показалась ему зловещей. Он смотрел на темные фигуры охотников, пробирающихся через сугробы, и думал: что-то здесь не так. Какой-то особый замысел у этих людей. Неспроста они идут в деревню с оружием, но без добычи, пока прочие беззаботно играют и веселятся. А может, они что-то замышляют. Или же произошло нечто плохое – например, на охоте погиб их товарищ...

Позже он даже побывал в Венском музее и увидел картину вживую. И выслушал гида, говорящего о гармонии и умиротворении, якобы царящих на холсте. Но и тогда не поверил.

Степан потушил сигарету под краном и закрыл форточку, зябко поежившись. Пора было вернуться под теплое одеяло и доспать остаток ночи.

Заглянул в комнату к Дениске и Маринке – те безмятежно сопели по своим кроватям.

У себя в спальне вдруг случайно глянул в зеркало – и кисло усмехнулся, машинально пригладив всклокоченные черные волосы. Говорят, что незнакомые люди видят тебя таким, каким ты сам видишь себя в зеркале после сна. Не хотелось бы, чтоб это оказалось правдой.

Тридцать пять лет скоро стукнет. Много это или мало? Черт его знает. Но красивее и свежее уже вряд ли станешь.

Степан натянул одеяло, постарался расслабиться.

Сердце по-прежнему царапала необъяснимая тревога.

Все-таки к чему был этот сон?

Часть 1. Новичок

Вице-канцлер Эдвейг Лори низко склонился над донесениями секретной службы, кутаясь в накидку из зеленого бархата. Кабинет был темный, загроможденный старой мебелью, заваленный горами книг и бумаг. Пахло пылью и старостью.

Сейчас Лори походил на крысу, обнюхивающую в собственной норе добычу. В другое время его можно было сравнить со старым сушеным грибом или пустынной ящерицей. Он был стар и болен, каждый новый прожитый год неукротимо вытягивал из него силы.

Стоящий перед ним человек был, напротив, молод и довольно хорош собой. Черные волосы чуть большей длины, чем допускали правила дворцового этикета, обрамляли чистое, еще не испорченное кожными болезнями лицо. Глаза были темными, глубокими. Бордовый мундир подчеркивал достоинства молодой сильной фигуры.

Дориану Умбару не исполнилось еще и тридцати, а на его плече уже висела лента геральд-министра. Две Лазурные Звезды прекрасно дополняли впечатление.

Правда, сейчас вид у Дориана был не очень бравый. Молодой человек был бледен, нервно кусал губы, а пальцы его чуть дрожали перед предстоящим разговором.

Вице-канцлер наконец закончил чтение. Он что-то сердито пробормотал и одним движением смахнул бумаги на край стола. Затем уставился на Дориана.

– Стало быть, тебе было мало старых скандалов, и ты решил преподнести нам новый? – Голос Лори напоминал шуршание бумаги. – Теперь в столице буду шептаться, что геральд-министр связан с бандитами?

– Ваше полномочие, он не бандит... – вскинул было глаза Дориан, но его бесцеремонно прервали.

– Зачем ты туда сам поперся? – Вице-канцлер сверлил его взглядом. – Хотел произвести эффект? Хотел полюбоваться, как полицейские перед тобой в струнку вытягиваются?

– Я считал это делом чести! Моего друга несправедливо арестовали, и я обязан был...

– Заткнись! – прошипел Лори. – Заткнись, сопляк! У тебя нет друзей, кроме твоего отечества, а ты о нем и не вспоминаешь! Слухи уже расползлись – геральд-министр ворвался в полицейский участок и освободил арестованного грабителя. – Лори в сердцах ткнул пальцем в стопку донесений. – Ты чем думал в тот момент?

– Простите, ваше полномочие. – Дориан весь померк и ссутулился. – Газированное вино слишком кружит голову. Я не подумал...

– Ты еще смеешь мне жаловаться на вино? – Вице-канцлер даже привстал. – Ты же геральд-министр, а не извозчик! Ты должен олицетворять достоинства нации, ее добродетели, а не пороки! Твое дело – заботиться о ветеранах, создавать и возглавлять попечительские советы, вручать награды, сотрудничать с гильдиями и союзами, учреждать стипендии! А ты что делаешь? Просаживаешь остатки состояния на гулянках?

Лори вдруг откинулся в кресле, прикрыв глаза.

– Ты ведь круглый ноль, Дориан. Все, что у тебя сейчас есть, – он заговорил очень тихо, – это заслуга твоей достойнейшей семьи. И не секрет, что я тоже многим обязан твоей семье, да и вся нация обязана. У тебя были великие предки. Исключительно ради них я вынужден возиться с тобой. И в этот раз мне опять придется спасти честь твоей фамилии.

– Спасибо, ваше полномочие... – пробормотал Дориан. – Но что вы имеете в виду?

– Проще всего было бы сослать тебя префектом в какую-нибудь глухую дыру, пока здесь не забудут о твоих выходках. Но я поступлю по-другому. Я поручу тебе дело – на этот раз настоящее дело. Справишься – будешь победителем и уважаемым человеком. А если опять оскандалишься, я перестану с тобой нянчиться. Выкручивайся сам.

– О каком деле речь? – Дориан, казалось, слегка встревожился.

– Кабинет министров все чаще поднимает вопрос о том, что нам пора возвращать себе пустоши – начиная от Красного хребта и до самого побережья. Вот ты этим и займешься.

– Я поведу войска? – сразу воспрял молодой геральд-министр.

– Да какие тебе войска? Откуда им взяться... Ты просто отправишься туда и проведешь переговоры с вождями местных племен. Узнаешь, что у них на уме, прощупаешь настроения. Доложишь кабинету... Ни к чему проливать кровь, если можно обойтись мудрым словом.

– Но они же мародеры и бандиты? Зачем с ними договариваться? Мы сметем их одним ударом, и пустоши будут наши!

– Умерь пыл, говорю. Мародеры – да, может быть. А вот бандиты там далеко не все. Полно людей, которые хотят спокойной жизни под присмотром Короны. Племя кечвегов, например, вполне разумные люди. С них и начнешь.

– Кечвеги – мародеры! – Дориан свел брови. – Раскапывают наши руины и торгуют нашими ресурсами.

– А я бы сказал – промысловики. Ресурсы все равно лежат без дела. Узнай, что им выгоднее – платить налоги нам или содержать отряды для защиты от диких кочевников. Пусть присоединяются, пусть становятся гражданами Хеленгара. А мы уж разберемся с бандитами и кочевниками – позже, в рабочем порядке.

– Слушаюсь, – с достоинством кивнул Дориан. – Когда мне выезжать?

– Уже готовься. Казна готова оплатить первую экспедицию. Я также найму отряд пограничников для сопровождения.

– Пограничников? – удивился Дориан. – Но почему не дворцовая гвардия? Мне более привычны люди, у которых чистые мундиры и хорошие манеры!

– Именно поэтому. Гвардия о манерах печется больше, чем о службе. Тебя ожидает не светский раут, а рискованная поездка, и не одна. Пограничникам я могу доверить безопасность миссии.

– Я полностью согласен с вами, пограничники – весьма закаленные бойцы, – благополучно согласился геральд-министр. – Но что им за дело до наших отношений с пустошами? Их дело – высшие границы Центрума!

Вице-канцлер вскинул на него насмешливо-колючий взгляд.

– Не пробовал включить мозги? Напекаю: плато Эль-Пиро... ну?..

– Там... там Поющий лес.

– И что?

– Там появляются вонги.

– Именно вонги скупают наш металл у кечвегов! Зачем нам отдавать металл инородцам, если заводы в Гранце задыхаются без сырья? И зачем пограничникам держать под боком открытые настежь Врата? Теперь дошло?

– Кажется, понимаю... – пробормотал Дориан.

– Наконец-то... Когда совпадают интересы, силы множатся!

Лори помолчал, прикрыв глаза. Было слышно, как вдалеке голосят паровозы.

– Мне нужно отдохнуть. Иди. Подробности обсудим на вечернем совете.

Дориан вышел в коридор, встал перед зеркалом, поправляя мундир.

– Переговоры... – хмыкнул он. – Интересно, о чем с ними можно договариваться?

Впрочем, как бы там ни было – пустоши будут нашими.

Он постоял еще немного, любясь своим отражением.

– Вернее, моими.

* * *

Все свои дни рождения Степан и Борис отмечали вместе. Это был негласный семейный закон.

Какие бы важные проблемы тебя ни занимали, 20 февраля, будь любезен, воссоединись с семьей, выслушай тосты, подними бокалы, обменяйся новостями, лишь после этого возвращайся к своим делам.

Только однажды это правило было нарушено – давно, десять лет назад. В тот раз Борис попал в больницу. Он занимался каким-то бизнесом, связанным с дальними грузоперевозками, мотался по областям, вся жизнь его проходила на колесах и на съемных квартирах. И в очередной поездке, где-то под Уфой, он попал в серьезную аварию, что и немудрено.

Он все же приехал к Степану, и они выпили за свое 25-летие, но гораздо позже. Тем не менее формальность была соблюдена.

Встреча с братом была для Степана единственным оправданием традиционных ежегодных посиделок. Сам праздник он не то чтобы не любил, просто не понимал.

Что, спрашивается, мы празднуем? То, что продвинулись на год по календарю? А что в этом хорошего или торжественного?

Совершенно бессмысленный праздник. И не важно, стал ли ты за год умнее, богаче, здоровее, счастливее – или совсем наоборот. Мы все равно исполняем этот ритуал во имя неотвратимости времени.

Сегодня все было как обычно – суматоха, свертки в ярких ленточках, звонки, экстренные пробежки в магазин. Брошенные без внимания дети бесились в своей комнате. Люда металась на кухне.

Степан ждал Борьку, который всегда являлся без звонка в разгар праздника.

Но первым, как всегда, пришел Чепель, весь сверкающий позолоченными часами, очками и запонками. Блестящие эффектные цапки были его слабостью еще со школы.

Убедившись, что размяться коньячком пока не с кем, он удалился в детскую комнату. Собственных детей у него до сих пор не было, а отцовские инстинкты, похоже, начали проклевываться.

– Вы самые счастливые дети на свете, – говорил он Маринке с Дениской. – Если б мой папа, как ваш, был хозяином магазина игрушек, я бы никогда не повзрослел. Показывайте, что у вас новенького...

– Уже двух магазинов, – буркнул Степан, раздосадованный, что дети к приходу гостей устроили у себя невообразимый бардак.

Народ тем временем собирался, заполняя диваны и кресла в большой комнате.

Наконец сели за стол, оставив места для опаздывающих. Чепель на правах старого друга взял на себя первый тост.

– Все знают, что мы со Степкой не только друзья с малых лет. Но и деловые люди. Не стану скрывать, без его помощи я бы свое дело не поднял. Этот замечательный парень...

– Дядя Боря едет! – крикнула вдруг Маринка, прервав «докладчика».

Степан поспешно встал, подошел к окну. Машина у Борьки была приметная и в своем роде уникальная – черный «Хантер» на больших колесах, с блоком дополнительных фар на крыше и другими узнаваемыми деталями.

– Иди встречай, – сказала Люда. – Он ведь опять небось с сумками, с подарками.

Недовольный прерванным тостом, Чепель хотел было пойти со Степаном, но передумал и плюхнулся на место.

Степан накинул дубленку и вышел из подъезда. Машина была, без сомнения, та же самая, только уж больно поцарапанная и замызганная, словно за прошедший год успела объехать вокруг земного шара.

Дверь открылась, и Степан остановился, встревоженно глядя перед собой.

Из машины вышел не Борис, а совсем незнакомый человек. Внешность его на благодушный лад не настраивала – колючий блуждающий взгляд, небритость, обветренные губы и вдобавок довольно грязная, заношенная одежда.

– Ух ты! – воскликнул незнакомец. – А вы и вправду как две капли. Глянь, пацаны!

На задней дверце опустилось стекло – там сидели еще двое. Сразу было видно – из той же породы.

– Однойцевые! – донеслось из кабины.

– Что происходит? Где Борис? – У Степана от волнения зазвенел голос.

– Да все нормально. У братца твоего проблемка случилась, он просил тебе весточку перекинуть.

– Какую еще весточку? – Степан всерьез испугался. Он уже пожалел, что с ним не пошел Чепель. – Где Борис?

– Не кипишись, говорю. Борька твой – пацан деловой и ровный. Мы все тут перед ним в долгах. Видишь, даже тачанку свою нам отдал. А весточку сейчас увидишь.

«Похитили ради выкупа и теперь будут показывать отрезанный палец», – мелькнула паническая мысль.

– Садись в машину, а то погода не шепчет, – предложил незнакомец. Степан послушался, хотя и не был уверен, что поступает правильно.

В кабине он ощутил, как от незнакомцев пахнет дымом и оружейным маслом. И чем-то еще совершенно незнакомым.

Ему протянули сотовый телефон. Довольно неплохой телефон, недешевый, с большим сенсорным экраном. Правда, выглядел он, как и машина, – весь какой-то грязный, побитый, поцарапанный, словно год провалялся в багажнике среди железок. И вдобавок испачканный чем-то липким.

Зажегся экран, включилась видеозапись. Степан увидел Бориса – живого и невредимого. Даже бодрого. Мысль о похищении сразу отступила.

– Здорово, Степашка! – улыбнулся Борис. – Прости, что срываю традицию, но так надо. У меня проблемы, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, не удивляйся, лишних вопросов не задавай. Тебе нужно срочно выехать ко мне. Бери с собой все деньги, какие сможешь, – они понадобятся. Не волнуйся, все расходы возмещу. Людям, которые к тебе приехали, можешь верить, как мне. Ехать придется далеко, а они расскажут, как тебе готовиться и куда направляться. Это не шутка, ты действительно очень и очень мне нужен. Не так часто я тебя о подобном просил...

У Степана ум за разум зашел от такой новости. Форменный дурдом, иначе не скажешь!

– Он специально это кино записал, чтоб ты поверил, – пояснили незнакомцы. – А то подумаешь, что какие-то мазурики приехали, туфту тебе прогнали...

– Ага, ясно, – кивнул Степан, хотя ничего ясного пока не предвиделось. – А как ему позвонить?

– А никак! Там телефоны не берут.

– Там – это где?

– Слышь, мужик, а вынеси пожрать, – попросили с заднего сиденья. – А то с ночи в дороге, на одних сигаретах держимся.

– А? Да, я скажу жене... – рассеянно отозвался Степан. – Так что происходит? Хоть вы мне сможете объяснить?

– Не, мужик. Что происходит – это ваши с Борькой дела. Нам соваться не велено. Наше дело – только инструкции тебе передать.

– Какие, к черту, инструкции?

– А вот слушай...

В последующие минуты впечатление сумасшествия лишь многократно усилилось. Степан узнал, что должен практически немедленно вылететь в Узбекистан, в Самарканд, и найти там какого-то проводника. Все собранные деньги следовало перевести в доллары или евро и весомую часть этого капитала отдать тому самому проводнику.

Денег, кстати, требовалось очень даже немало – подобной свободной суммы у Степана не было никогда.

Далее следовала целая череда незнакомых географических названий и набор столь же незнакомых имен каких-то людей, судя по всему, иностранцев. Степан в жизни бы все это не запомнил, но к устному инструктажу прилагалась пара мелко исписанных листов с наставлениями.

– Ну, спрашивай, что непонятно, – сказали ему. – А то нам дальше ехать пора.

– А что спрашивать, если ничего не понятно, – глуповато усмехнулся он. – Ушам своим не верю.

– Верить или не верить – это дело твое. Тут мы тебе не советчики, мужик.

Степан вернулся домой.

– Не приехал Борька, – пробормотал он. – Не смог в этот раз. Друзей прислал с поздравлениями.

– Ну во-от... – огорченно протянул Чепель. – И с кем же мне сегодня напиваться?

Степан сел за стол, но ему уже было не до праздника, не до гостей. Он извинился, вышел на кухню, чтобы поразмышлять в одиночестве.

Машина с подозрительными незнакомцами еще не уехала. Все трое почему-то стояли под березками и жевали там бутерброды, выданные женой. Наверно, просто устали от тесноты кабины, решили размять ноги.

Их угловатые темные фигуры отчетливо выделялись на снегу. Чуть дальше был виден замерзший пруд, стайка детишек гоняла на коньках.

«Охотники на снегу», – вспомнилось Степану. – Никому не понятные, всем подозрительные, вооруженные, угрюмые – одни в чужом городе».

* * *

– Ну какая еще командировка? – хмурилась Люда. – Откуда у тебя командировки могут взяться?

– Да ничего особенного. Новый производитель металлических конструкторов приглашает в промо-тур на предприятие, – самозабвенно врал Степан. – Так бывает. Зато первую партию можно взять на реализацию, без предоплаты.

Супруга лишь удивленно качала головой и хмурилась. Впрочем, у Степана сейчас не было сил на долгие объяснения.

Он прихватил портфель с документами и вышел во двор, а через минуту уже выруливал на проспект.

Ни на минуту его не отпускало чувство, что он – участник дурацкого масштабного розыгрыша. Все происходящее не укладывалось в голове, ум протестовал.

Степан даже пересмотрел несколько раз видео с посланием Бориса – ничего нового или необычного он не заметил. Брат был спокойным, говорил искренне и от души – одним словом, явно не врал. И ощущения, что говорить его заставляют под пистолетом, тоже не появлялось.